

The resolution of the congress recommends that in the future the theme ought to be more precisely outlined so that the papers be more homogeneous. That would also facilitate the discussion. That, incidentally, is the general wish of congresses; in spite of the good gathered together the papers give a good idea of contemporary Yugoslav historiography, to a certain degree of its socio-historical interest, of its high professional standards. It would be most desirable if that standard could be coupled with speedy publication.

E. Niederhauser

GRIGORIJ KOTOŠIXIN, *O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča*. Edited with a Commentary by A. E. PENNINGTON. Oxford University Press, Oxford 1980, XVI + 775 с.

Книга преждевременно скончавшейся английской исследовательницы Анны Пеннингтон заслуживает серьезного внимания исследователей по нескольким причинам. Хотя текст сочинения Григория Карповича Котошихина (ок. 1630—1667) «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666/1667) издавался четыре раза в дореволюционной России (1840, 1859, 1884, 1906) и последнее издание было воспроизведено фотомеханическим способом относительно недавно (1969),¹ первое строго лингвистическое издание этого ценного памятника принадлежит А. Пеннингтон. Однако текст памятника занимает меньше четверти объема рецензируемой книги (с. 15—183); ему предшествует введение, излагающее основные сведения о жизни Котошихина и о судьбе его сочинения (с. 2—11), а также изложение принципов воспроизведения текста (с. 13). Большая же часть книги посвящена описанию грамматической системы (названному скромно «комментарием», с. 185—400) и словаря (с. 401—758) памятника. В приложениях I—III воспроизводятся три сохранившихся письма Котошихина (с. 759—762). Книгу замыкает богатая библиография (с. 763—775). Таким образом, труд А. Пеннингтон мы должны рассматривать не просто как новое, современное издание довольно известного уже памятника, а скорее как попытку воссоздать систему русского делового языка второй половины XVII в. путем всестороннего лингвистического анализа репрезентативного образца, каким является оригинальное и обширное сочинение автора, связанного своим образованием и профессиональной деятельностью с деловым языком Московской Руси данного периода.²

Деловая письменность Московской Руси, как известно, отражала разговорный русский язык, но язык деловой письменности не был идентичным с ним. Деловой язык тоже был традиционным в том смысле, что включал многие застывшие обороты, типичные канцеляризм. Кроме этого, деловой язык испытывал влияние также со стороны церковнославянского.³ Надо также отметить, что деловой язык, особенно язык Посольского

¹ Полную библиографию изданий памятника и относящейся к Котошихину и его сочинению литературы см. на с. 763—764 рецензируемой книги.

² Так и восприняли книгу Анны Пеннингтон Б. А. Успенский и В. М. Живов в своей совместной рецензии, предназначенной для *The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, с машинописью которой мы имели возможность познакомиться по любезности авторов.

³ Ср. А. И. Соболевский, *История русского литературного языка* [1889]. Издание подготовил А. А. Алексеев. Ленинград 1980, 38—39; А. М. Селищев, *О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка* [1957]; А. М. Селищев, *Избранные труды*. Москва 1968, 129—140; Д. Уорт, *О языке русского права: Вопросы языкознания* 1975, 2: 68—75; А. ISSATSCHENKO, *Geschichte der russischen Sprache, I. Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts*. Heidelberg 1980, 114—118.

приказа, обладал значительным запасом лексики, который сформировался в результате контактов с документами иностранных канцелярий; особенно легко заимствовались лексика и фразеология из языка документов другой «русской» канцелярии — из западно-русского делового языка, посредством которого входит в русский (московский) деловой язык много европеизмов задолго до Петровского времени. Это обстоятельство нужно иметь в виду при характеристике языка Котошихина, особенно при решении вопроса о том, насколько характерна его лексика для русского языка своего времени. Как отмечает автор, «можно было бы возразить, что Котошихин, как эмигрант, не типичный москвитянин, и язык его сочинения, написанного в Швеции, нельзя считать характерным для Посольского приказа» (с. 397). Против такого возражения автор справедливо указывает на то, что в эмиграции Котошихин провел всего три года, между тем как в Москве примерно 34 года, в том числе 19 лет — в Посольском приказе; полонизмы в его тексте не должны вызывать удивление, поскольку знакомство с польским, украинским и белорусским языками было широко распространено среди чиновников Посольского приказа. В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание еще на один аспект функции полонизмов у Котошихина: употребление полонизмов часто связано с тем, что он писал свое сочинение для иностранного адресата, заранее зная, что его текст будет переводиться на шведский язык. (Это касается впрочем и языка писем Котошихина, ср. в письме к польскому королю Яну Казимиру: «Сие мое написание честно да вруচিতца и велице у пр о ш а ю, ч т о б ь б ы л ь п р е в е д е н ь и добрый отвѣтъ учиненъ» [с. 760], из чего явствует, что Котошихин не владел польским языком, по крайней мере, в той степени, чтобы написать челобитное прямо по-польски, а его полонизмы — это скорее западнорусизмы, т. е. польская по происхождению лексика и фразеология, употребляемая в западнорусском языке в качестве заимствований из польского.) Значит, Котошихин вводит в свой текст полонизмы имея в виду иностранного адресата, идя навстречу переводчику. На такую функцию полонизмов обращает внимание и А. Пеннингтон (с. 386), но она считает, что в таких случаях в роли «lingua franca северо-восточной Европы» выступает польский язык. Нам кажется, что такой «lingua franca» в общении московского Посольского приказа с иностранными (западными) канцеляриями и послами был не польский, а западно-русский.⁴ Другое дело, что западнорусский мог играть такую роль прежде всего благодаря наличию в нем показательного числа полонизмов — не только собственно польской лексики, но и латинизмов, германизмов и т. д., заимствованных посредством польского, т. е. западнорусский имел в своем распоряжении все средства для выражения западно-европейских реалий и понятий.⁵ Взаимодействие двух восточнославянских деловых языков наблюдается во многих документах с XV в., особенно в Посольских книгах, сохранившихся с 80-х годов XV в. Расхождения между двумя языками являются очевидными для постороннего наблюдателя, но в XV—XVI вв. они могли оставаться незамеченными; оба языка назывались «русскими»; существовал, правда, ряд терминов, которые харак-

⁴ Ср. А. Золтан, Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики, К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного Стефану Баторию: Hungaro—Slavica 1983. Budapest 1983, 333—344.

⁵ Не следует думать, что роль западнорусского делового языка исчерпывалась посредничеством при передаче московскому деловому языку полонизмов. В деловой язык Московской Руси перешли и некоторые лексико-семантические инновации собственно западнорусского происхождения. Такой инновацией, на наш взгляд, является, например, зап.-русс. *господарь* 'монарх' (откуда русск. *господарь* > *государь* 'то же', а не наоборот, как это предлагает А. Л. Хорошкевич, Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. Москва 1980, 88, сн. 65). См. А. ZOLTÁN, *Polskie państwo a rosyjskie gosudarstwo*: Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego, Filologia rosyjska Nr 10, 1982, 111—115; А. Золтан, К предыстории русск. *государь*: Studia Slavica 29 (1983) 71—110.

теризовали западнорусские документы в отличие от московских, но они могли восприниматься в Москве как собственные экзотизмы, т. е. слова, обозначающие чужие, польско-литовские, и вообще западные, католические реалии. Западнорусский язык, который развивался под сильным латинско-польским влиянием, заимствовал ряд социальных, экономических, военных, правовых и др. терминов из польского, и таким образом выработал лексику, соотносимую с терминологией западноевропейских языков, которые развили соответствующую терминологию, опираясь на тот же латинский эталон, что и польский. Поэтому слова, условно называемые полонизмами в русском (московском) деловом языке XV—XVII вв., а на самом деле полонизмы западнорусского языка (значит, западнорусизмы в великорусском) использовались московскими дьяками в документах дипломатических сношений не только по отношению к Литве и Польше, но и по отношению к другим западноевропейским странам. Таким образом, в результате контактов с западнорусским языком, в московском деловом языке постепенно вырабатывалась лексика, связанная по своему происхождению с польским языком, соотносимая с лексикой западноевропейских языков. Отсюда в русском деловом языке XVII в. *бискуп*, *арцибискуп* 'католический епископ, архиепископ' не только польский, а вообще католический; *костел* 'католический храм вообще (не только польский)' и т. д. Русский (московский) деловой язык, таким образом, обогатился значительным запасом слов, способных передавать чуждые московскому быту понятия западноевропейских языков. Лексика эта применялась при характеристике западноевропейских стран не только в дипломатической переписке, т. е. в деловой письменности, обращенной к зарубежным читателям, но она попадала и в те виды письменности, которые были обращены к русской аудитории, главным образом, в летописи. Судя по полонизмам в летописных известиях о браке Ивана III с Софьей (Зоей) Палеолог,⁶ можно с уверенностью предположить, что западнорусский выполнял свою роль как *lingua franca* в сношениях Москвы с западом уже во времена, предшествующие сохранившейся документации посольских дел. Совершенно понятно поэтому, что Котошихин, работавший почти 20 лет в Посольском приказе, приступая к описанию России для зарубежной аудитории, прибегает к той польской по происхождению лексике, употребление которой при обращении к иностранной публике имело уже по крайней мере двухвековую традицию в практике Посольского приказа. (Мы не утверждаем, конечно, что к а ж д ы й полонизм Котошихина имел такую долгую традицию в московском приказном языке — ведь полонизмы проникали в него постепенно в результате контактов с западнорусским деловым языком —, но имел такую традицию с а м п р и н ц и п использования западнорусизмов при обращении к западноевропейскому адресату.) Поэтому вводит Котошихин «полонизмы» даже для обозначения некоторых типичных московских, православных реалий: *процесья* вм. *поход*, слово *шапка* (*царская*) он глоссирует словом *корона*, — он имеет в виду адресата. Эти и подобные слова влились в лексическую систему нового русского литературного языка, формирующегося в XVIII в., в результате Петровских реформ, когда та лексика, которая существовала раньше для передачи чужих, иностранных понятий и реалий, стала применяться по отношению к своим понятиям и реалиям, поскольку эти понятия и реалии стали повсеместными и общеизвестными в России, превращаясь из чужих в свои.

Полный словарь Котошихина приобретает в этом свете большое значение, потому что он подытоживает лексические средства русского делового языка перед их слиянием с общеупотребительной лексикой русского литературного языка нового времени и становится удобным пунктом отнесения для истории многих слов и лексических подсистем;

⁶ Ср. Н. А. Казакова, *Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков*. Ленинград 1980, 95—97; А. Л. Хорошкевич, указ. соч., 178—182.

изучение словаря Котошихина показывает, что оказалось жизнеспособным и приемлемым для современного русского литературного языка из словарного состава приказного языка.

Интересны случаи столкновения двух лексических систем: литературного языка (церковнославянского) и делового языка. К таким случаям, на наш взгляд, относится употребление слова *причина* в значении 'вина' (наряду с современным значением), отмечаемое автором в комментариях к словарному составу памятника (с. 393). А. Пеннингтон предполагает, что в XVII в. имело место временное расширение семантики данного слова на русской почве, поскольку польск. *przyczyzna* (откуда русск. *причина*) в значении 'вина' не известно ни в современном польском языке, ни в древнепольском. На самом деле, этого значения слова *причина* нельзя объяснить ни на польской, ни на западнорусской основе. Бросается все-таки в глаза, что до появления слова *причина* в древнерусской письменности в значении 'causa' употреблялось слово *вина* (старославянская семантическая калька с греч. *αἴτια* 1. 'вина'; 2. 'причина').⁷ В западнорусской письменности *причина* появляется к концу XV в.,⁸ а в XVI в. с дипломатической перепиской между Польско-Литовским и Московским государствами оно проникает и в документы Посольского приказа,⁹ сначала только в составе грамот и заявлений польско-литовской стороны, вносимых в Посольские книги, а потом появляется также в ответных документах московской стороны (напр. в послании Ивана Грозного Стефану Баторию от 29 июня 1581 г.).¹⁰ В последней четверти XVI в. столкновение традиционного церковнославянского *вина* и нового, западнорусского по происхождению, *причина* хорошо наблюдается в «Назирателе», переведенном с польского посредством западнорусского перевода или переводчиком-выходцем из юго-западной Руси (с Украины). Предполагается (хотя и пока не доказано), что перевод был выполнен в Посольском приказе.¹¹ В этом памятнике в значении 'causa' *вина* выступает 12 раз, а *причина* 60 раз, причем 9 раз оба слова выступают вместе, как будто глоссирует друг друга (*причиною и виною* 10об; *причины или вины* 65об; *причина и вина* 70об, 112; *причина или вина* 74об; *ради сея вины или причины* 134; *вина или причина* 134об; *твоея ради причины или вины* 135; *о причинах и винах* 152).¹² Такая глоссирующая синонимия отмечается и в переводных вестях-курантах первой половины XVII в.: *безо всякой вины и причины* (1621 г.).¹³ Слово *причина* толкуется как 'вина или виновное' в одном из азбучников XVII в.¹⁴ Таким образом, к XVII в. *вина* и *причина* становятся синонимами в значении 'causa', на протяжении этого же столетия в деловом языке *вина* вытесняется из употребления в данном значении словом *причина*. Распространению в русском деловом языке запад-

⁷ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка. Москва 1953, 264. Ср. В. В. Виноградов, Избранные труды, Лексикология и лексикография. Москва 1977, 79—80.

⁸ Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 2, Київ 1978, 255. Единственный пример у Срезневского (И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам II, Санкт-Петербург 1895, 1494) взят также из западнорусского документа («Посольство королю польскому Казимиру от царей татарских и от короля до них, 1479 и след. гг.»). По-видимому, на основе этой фиксации некоторые исследователи ошибочно относят русск. *причина* к XV в., ср. Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка. Москва 1971, 366; Г. П. Цыганенко, Этимологический словарь русского языка. Киев 1970, 540.

⁹ S. Koszman, W. Tredziakowski w kręgu polskich wpływów językowych: Slavica Wratislaviensia III (Acta Universitatis Wratislaviensis No. 170). Wrocław 1972, 51.

¹⁰ См. Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Москва—Ленинград 1951, 217.

¹¹ Назиратель. Издание подготовили В. С. Гольштенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. Москва 1975, 72—73.

¹² Цит. по указ. изданию с упрощенной графикой.

¹³ Вести-Куранты 1600—1639 гг. Издание подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. Москва 1972, 217.

¹⁴ S. Koszman, Polonica w leksykografii rosyjskiej XVII wieku. Warszawa—Wrocław 1975, 47.

норусизма *причина* способствовала, несомненно, полисемия славянизма *вина*. Синонимичность слов *вина* и *причина* в значении 'causa' в XVII в. могла повлечь за собою их полную идентификацию, т. е. они могли восприниматься как абсолютные синонимы, которые могут заменять друг другом в обоих значениях. Таким образом, полисемия слова *причина* у Котошихина объясняется калькированием семантической структуры его церковнославянского эквивалента.

В своих лексикологических комментариях автор ограничивается рассмотрением тех заимствований, для которых сочинение Котошихина является хронологически первым или относительно ранним источником. В группе новых для времени Котошихина заимствований анализируется ок. 50 слов (с. 385—396). В связи со словом *чеснок* 'палисад' (с. 386) отметим, что оно встречается также в «Повести о приходе Стефана Батория на Псков» (в форме *чоснок*), что подтверждает мнение о том, что *чеснок* в данном значении представляет собой семантическую кальку с польск. *czosnek*.¹⁵ Переходный глагол *доставать/доставить* 'раздобыть, приобрести' рассматривается (с. 387) — вслед за С. Кохманом¹⁶ — как полонизм XVII в. Однако, слово в этом значении проникает в московский деловой язык уже в конце XV в.; оно отмечается в докончальной грамоте Ивана III с императором Максимилианом 1490 г.: «А почнешь, брате, ты доставати своего отчства Великого Княжства Киевскаго [. . .]»;¹⁷ ср. у Котошихина: «[Димитрий] достал Московское гедрство под свое владѣнье» (л. Зоб, с. 17).

В рамках настоящей рецензии мы не могли остановиться на всех достоинствах книги А. Пеннингтон. Хотелось бы все-таки подчеркнуть, что книга эта будет служить надежным ориентиром не только в области исторической лексикологии, но во всех областях истории русского языка. Богатому содержанию книги соответствует прекрасное типографическое оформление.

А. Золтан

Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. Подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой. Под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского. Издательство Московского университета, Москва 1981, 776 с.

С выходом в свет написанной почти двести лет назад, но оставшейся до сих пор в рукописи «Российской грамматики» А. А. Барсова (1730—1791), стало доступным широкому кругу исследователей самое полное описание русского языка XVIII в. Если учесть, что А. А. Барсов, занимавший кафедру словесности («красноречия») Московского университета в течение тридцати лет (1761—1791 гг.), был учеником В. К. Тредиаковского, а потом

¹⁵ G. STRICKER, *Stilistische und verbalsyntaktische Untersuchungen zum Moskowitischen Prunkstil des 16. Jahrhunderts* (Slavistische Beiträge 127). München 1979, 192. Другую точку зрения см. в указанной работе Б. А. Успенского и В. М. Живова, которые возводят данное значение русск. *чеснок* к праславянскому.

¹⁶ S. KOCHMAN, *Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Wrocław—Warszawa—Kraków 1967, 106.

¹⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I, Сношения с Государствами Европейскими, т. I, Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Санкт-Петербург 1851, 39. Данный текст был создан, по-видимому, при участии выходцев из Литовской Руси, ср. дальше: «а будеть нам *валка* съ Казимиромъ съ Королемъ [. . .]» (там же). Другие ранние примеры см. Словарь русского языка XI—XVII вв., 4. Москва 1977, 333—334. — Ср. др.-польск. *dostawać/dostać* (*czego*) 'acquirere' (Słownik staropolski II, Warszawa 1956—1959, 144—145); *dostawać/dostać* (*czego/co*) 'to же' (Słownik polszczyzny XVI wieku, V. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk 1971, 418—427, 443—449).